

В глазах Цзян Сяочжоу Смысл Бренного Мира был типичным затворником.

Тот целыми днями не выходил из своей комнаты и алхимической лаборатории. Раньше он, возможно, изредка выбирался на поиски целебных трав или охоту за духовными зверями, но с появлением гостей все эти хлопоты естественным образом легли на их плечи.

Люйло взялся за дело с особым рвением. В конце концов, в Долине Бренного Мира единственной возможностью размяться и сойтись в яростной схватке оставались лишь дикие звери, обитавшие на заднем склоне горы. Смысл Бренного Мира и Ли Ханьсин были ходячими развалинами — один болен, другой калека, — так что о полноценной тренировке с ними не могло быть и речи.

Сам же Цзян Сяочжоу вечно пропадал в делах. Стоило Люйло столкнуться с ним, как до него доносился странный, ни на что не похожий аромат: юноша буквально заперся в плавильне, не щадя сил и времени на разгадку рецепта пилюли Возвращения.

Изнурительная варка до полного истощения сил, затем долгая медитация ради восстановления духовной энергии и снова изматывающий труд у горнила — в этом бесконечном цикле Сяочжоу проводил дни напролёт. Лишь когда он по-настоящему завершил формирование Человеческой пилюли, а его внутренний духовный котел обрел плотность и вес, в сознании наконец забрезжило понимание, как подступить к пилюле Возвращения. К тому моменту пролетел уже целый месяц.

Погода заметно посвежела.

Цзян Сяочжоу погасил пляшущее на ладони пламя Сердца Лотоса и опустил на циновку, скрестив ноги. Ощущение выпотрошенности, когда из меридианов улетучивалась последняя капля энергии, всегда было мучительным, но, как ни странно, со временем он привык и к этому.

Если даже обычное средство восстановления требовало таких колоссальных усилий, то о пилюле Иллюзорного Бога, способной полностью изменить чужой облик, пока не стоило и мечтать. Дело тут крылось не в рецепте или технике движений, а в банальной нехватке личного могущества. Сяочжоу резонно рассудил, что без перехода на уровень Земной пилюли получить подобное снадобье попросту невозможно. Ирония судьбы, да и только.

Пожалуй, единственной отрадой за это время стало то, что его отношения со Смыслом Бренного Мира сдвинулись с мертвой точки. Хозяин долины изредка снисходил до бесед, далеких от алхимии, — например, о шахматах.

Узнав, что гость не чужд этой забаве, Смысл Бренного Мира неподдельно изумился.

— Неужели в Боевые шахматы Трёх Миров умеешь?

Цзян Сяочжоу ненадолго задумался, воскрешая в памяти былые дни.

— Похоже, что так. Это ведь там, где доска состоит из трех уровней?

Смысл Бренного Мира азартно блеснул глазами, словно перед ним предстало невиданное сокровище.

— И как твои успехи?

— Трудно сказать, — честно признался Сяочжоу.

Ему довелось сыграть лишь пару партий с Байли Фэном, а после побега из секты Повелителей Зверей он к доске больше не притрагивался.

Смысл Бренного Мира тут же вытащил резную доску и буквально силой усадил юношу напротив. Тот покорно согласился составить компанию, но, как и следовало ожидать, с треском проиграл.

— Да уж, весьма посредственно... — пробормотал разочарованный хозяин долины, однако он все же улыбнулся — на удивление тепло и искренне.

Вскоре старый Лю порадовал его еще одной новостью. Котёл, над которым трудился кузнец, был наконец закончен. Величиной примерно с человеческое предплечье, отлитый из глубокого иссиня-черного металла, он красовался вставками из чистейшего изумруда по углам. Зрелище завораживало. Стоило Сяочжоу под руководством мастера провести ритуал признания крови, как он мгновенно ощутил ментальную связь с артефактом.

В качестве пробы Цзян Сяочжоу тут же засыпал в него ингредиенты для пилюль Ясного Разума. Результат превзошел все ожидания: качество готового снадобья оказалось на порядок выше прежнего. К тому же во время плавки он отчетливо чувствовал малейшие изменения, происходящие внутри котла.

— А главное! — самодовольно ухмыльнулся старый Лю. — Этот котелок сам очищается от гари. Сварил снадобье, сполоснул — и можно сразу кашу варить, никакой отравы в еду не попадет.

— Мое почтение, мастер, у вас поистине золотые руки! — искренне поблагодарил юноша.

Ли Ханьсин лишь мысленно закатил глаза.

«Вы это серьезно?! Вы действительно обсуждаете кулинарные свойства алхимического артефакта?!»

В итоге творению старого Лю дали простое и звучное имя — Изумрудный котёл.

Помимо котла, старый Лю порадовал обновой и Люйло, скотит для него комплект кожаного доспеха из шкуры дикобраза-стреломета. Броня была скроена точно по мерке и сидела на нём как влитая.

Поначалу Люйло ворчал, заявляя, что лишний хлам лишь стесняет движения в бою, но под строгим взглядом наставника все же примерил обновку. И... больше уже не захотел её снимать.

Даже Смысл Бренного Мира решил погреться в лучах чужой радости. Подперев ладонью подбородок, он лениво наблюдал за тем, как молодежь увлеченно спорит у нового горнила.

— Подумать только, великий даос Янлю, когда-то признанный лучшим оружейником поднебесной, теперь промышляет кастрюлями и шитьем, — протянул он с усмешкой. — Расскажи кому — засмеют.

Старый Лю ничуть не обиделся. Он лишь тихо вздохнул:

— Я сковал сотни легендарных клинков, но ни разу в жизни не чувствовал себя таким счастливым, как сейчас. Что толку в титуле лучшего в мире кузнеца? Кого по-настоящему волновала моя судьба? Кто вспоминал обо мне, когда разливали вино?

Кузнеца вдруг прорвало на откровение:

— А вот Люйло... Он упрямо бредит силой, но ни разу не бросил меня, дряхлого калеку.

— Потому что ты её учитель? — поинтересовался Смысл Бренного Мира.

Старый Лю покачал головой:

— Вовсе нет... Он ведь упрям как осел, чужого мнения не признает. Но если уж вбил что-то в свою непутевую голову, костями ляжет, оберегая свой крошечный мир и тех, кого в него впустил. Он вздорный, мстительный, не умеет идти на уступки и вечно лезет на рожон. Из него паршивый праведник, если судить по книжкам. Но если ты завоевал его доверие — это навсегда.

Старик прищурился:

— Вот увидишь, когда нас с тобой не станет, в какие бы передряги ни угодил Сяочжоу, Люйло прикроет его спину в любой буре. Никто из нас не идеален. Ни он, ни Ли Ханьсин, ни сам Сяочжоу. Про тебя я вообще молчу — невыносимый тип, у которого из достоинств только

смазливое лицо.

Старик слабо усмехнулся:

— И все же судьба свела нас под одной крышей. Разве нужно желать чего-то большего, когда у тебя есть тихая гавань и верные друзья?

Изумрудный котёл превзошел самые смелые ожидания Цзян Сяочжоу. Старый Лю вложил в этот шедевр всю душу. Пусть алхимия и не была его основной стезей, артефакт получился непревзойденного качества. А главное — он идеально сочетался со свойствами пламени Сердца Лотоса. Далеко не каждый мастер мог похвастаться инструментом, выкованным лично под него. В свое время Смыслу Бренного Мира ради подобной роскоши пришлось выкрасть и связать кузнеца.

По привычной схеме Цзян Сяочжоу опустил травы в Изумрудный котёл. Изумрудное пламя Сердца Лотоса послушно заструилось по дну чаши. Сменив несколько ручных печатей, алхимик активировал Сутру Единения. По его меридианам заструилась энергия. Он применил технику Чаншуй: чистый поток духовных сил хлынул в котел, и при соприкосновении с ингредиентами воздух наполнился тонким шипением.

Настал решающий момент. Удерживая баланс бушующего огня, Сяочжоу осторожно перемешивал плавящееся зелье тончайшими нитями духовной силы. Стоило допустить малейшую оплошность, и дикое пламя вырвалось бы из-под контроля, в мгновение ока превратив редкие корни в горсть бесполезного пепла. На лбу выступили холодные капли пота. Сосредоточив все внимание на бурлящем вареве, юноша уловил первый едва заметный вздох сладковатого аромата. Не теряя драгоценных секунд, он выверенным движением бросил внутрь следующий компонент.

Сорок девять различных ингредиентов требовали идеальной точности. Грамм в грамм, секунда в секунду — любая задержка или спешка означали крах всей работы.

Сяочжоу замер, превратившись в натянутую струну, но пальцы его оставались твердыми и неподвижными. Слияние сорока девяти природных эссенций было самым сложным этапом, на котором он неизменно терпел неудачу. Но теперь, после долгих наставлений Смысла Бренного Мира, в его разуме зародилась новая идея.

«В этот раз все должно получиться...»

— Мальчишка делает поразительные успехи, — Смысл Бренного Мира вглядывался в сторону лаборатории, безошибочно считывая колебания духовных потоков. — Сейчас он закончит.

Из густого мрака в углу комнаты бесшумно соткался белоснежный силуэт.

Волк, укрытый тенями, глухо отозвался:

— Иначе и быть не могло.

Хозяин долины даже бровью не повел на его появление.

— Жаль только, парень до сих пор не понимает, почему его культивация топчется на месте. Хотя... быть может, он догадывается, но ему попросту плевать?

Алхимик качнул головой в сторону зверя и усмехнулся:

— Не путайся ты у него под ногами, он бы уже давно сформировал Золотое Ядро. Зачем вам эта связь? Разделились бы — и дело с концом. Всё равно ты целыми днями где-то шляешься, толку от тебя никакого.

Волк равнодушно взглянул на него рубиновыми глазами:

— Это его решение.

— Скучный ты тип, — фыркнул Смысл Бренного Мира. Он небрежным жестом извлек из рукава золотистое ядро духовного зверя и бросил его хищнику. — Это добыча твоего подопечного. Я лишь слегка очистил её от примесей. Надеюсь, от его подарка ты не откажешься?

Зверь поймал ядро на лету, проглотил и глухо заметил:

— Ты на удивление заботлив.

Алхимик, не ожидавший столь прямого выпада, на секунду растерялся и сухо кашлянул, пытаясь скрыть смущение:

— Мне просто скучно. Развлекаюсь как могу, только и всего.

Белый волк промолчал, никак не показав, верит он этой лжи или нет.

— И всё же я скажу, — продолжил Смысл Бренного Мира. — Из-за вашего общего резерва ты кажешься бездонной бочкой. Сколько бы сил ни тратил Сяочжоу, львиная доля духовной энергии безвозвратно уходит к тебе. Пока ты не восстановишься до краев, его собственный прогресс не сдвинется с мертвой точки.

Условия их контракта крови были безжалостны. Если бы духовный резерв Сяочжоу можно было представить как сосуд объемом в тысячу мер, то резерв волка составлял сотни тысяч. И

по закону связи девяносто девять процентов любой крупы силы, добытой юношей, мгновенно перетекали зверю, оставляя самому практику лишь жалкие крохи.

— То, что он ухитрился прорваться на Человеческую ступень и подойти к созданию пилюли Возвращения на одних лишь крохах энергии — чистая заслуга его феноменальной интуиции и контроля, — заметил Смысл Бренного Мира. — Долго еще собираешься делать вид, что тебя это не касается?

Будь здесь старый Лю, он непременно заметил бы перемену в голосе хозяина долины. Обычно высокомерный, язвительный и безразличный ко всему миру Смысл Бренного Мира сейчас говорил с непривычной серьезностью. В его тоне сквозило глубокое уважение — он общался с волком как с равным, а возможно, и превосходящим его существом.

Белый волк медленно шагнул вперед, подставив шерсть редким лучам солнца. Он сверкнул алыми глазами, подобно драгоценным рубинам.

— Его путь только начинается, — загадочно обронил он и мгновенно растаял в воздухе.

Смысл Бренного Мира лишь пожал плечами и негромко хмыкнул:

— Что ж, время покажет. Будем наблюдать.

Предсказание хозяина долины сбылось с поразительной точностью: пилюля удалась. Духовная энергия в меридианах Сяочжоу впервые заструилась так легко и послушно, словно он управлял ею всю жизнь. Те шаги в рецепте, что прежде казались непреодолимыми препятствиями, вдруг обрели кристальную ясность и простоту.

Сяочжоу откинул крышку котла, и наружу вырвалось облако густого сладкого благовония. На самом дне Изумрудного котла сияла безупречно круглая, полупрозрачная пилюля Возвращения. Подчинившись его мысленному приказу, она плавно взлетела прямо в ладонь.

Бережно спрятав драгоценность и котел в пространственное кольцо, юноша поднялся и направился к выходу из плавильни.

Снаружи его преданно караулили Ли Ханьсин и маленький слуга Ли Го. Завидев уставшего друга, он тут же шагнул навстречу:

— Ну как ты? Тебя не было видно больше двух недель!

Сяочжоу лишь тепло улыбнулся и протянул ему ладонь со светящейся пилюлей:

— Я выполнил свое обещание.

— Это... действительно пилюля Возвращения?! — голос Ли Ханьсина дрогнул.

Когда родной отец безжалостно уничтожил его Огонь Сердца Лотоса, молодой господин погрузился в бездну отчаяния. Лишившись сил, он сполна познал людское лицемерие и жестокость. Даже бывшие братья по Городу Семи Звезд брезгливо шептались за спиной: «Он теперь никто, ходячий труп. Проще сдать его в Двенадцать Башен Белой Яшмы, чтобы замять скандал. Сам виноват, нечего было лезть не в свое дело и корчить из себя героя».

Но вопреки всему, сейчас заветное лекарство лежало у него на ладони.

— Отныне ты мне кровный брат! — Ли Ханьсин смерил Цзян Сяочжоу долгим, полным благодарности взглядом и резко развернулся. — Ли Го, стереги двери! Я ухожу в медитацию!

— Будет исполнено, молодой господин! — звонко отозвался мальчик.

<http://bllate.org/book/20178/2237764>